

УДК 330.8
ББК 65.02(2)

Г. Д. Гловели
 Институт экономики РАН,
 г. Москва, Российская Федерация

ИСТОРИЗМ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Аннотация. В статье впервые в научной литературе дана сводная характеристика историзма в российской политэкономии досоветского периода. Подчеркнут вклад российских экономистов в дискуссии о сходстве/различии между Россией и Западом в пути развития и в концепции стадий экономической эволюции. Освещена рецепция в российской политэкономии идей трех поколений германской исторической школы; показаны новаторские интерпретации историзма представителями русского критического марксизма и русской аграрно-эволюционной школы. Главное место уделено таким недостаточно известным фигурам, как Александр Корсак (1832–1874) – первый русский экономист-компаративист – и Николай Огановский (1874–193?) – аграрник и предвозвестник теории перехода к устойчивому экономическому росту.

Ключевые слова. Экономическая компаративистика, историческая школа в политэкономии, отличительные черты и стадии сельскохозяйственного и промышленного развития России, типы капитализма, мануфактурный период, интенсивные аграрные технологии.

G. D. Gloveli
 Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russian Federation

THE HISTORICISM AND THE HISTORICAL CURRENT IN RUSSIAN POLITICAL ECONOMY

Abstract. The paper contains the generalized characteristics of the historicism of the Russian political economy before Soviet period. The author accents Russian econ-

omist's contribution to debates on similarity or difference between Russian and Western path development as well in conceptions of the stages of the economic evolution. The paper sheds upon Russian reception of ideas of the Old, Young and Youngest German Historical School and draws the original interpretations of the historicism in Russian critical Marxism and in Russian agrarian evolutionary school. The author focuses on Aleksandr Korsak (1832–1874) as the first Russian comparative economist and agrarian economist Nikolay Oganovskii (1874–193?) as the pioneer of the sustainable economic growth theory who are known insufficiently.

Keywords. Comparative economics, the Historical School of political economy, distinguishing features and stages of Russian agricultural and industrial evolution, manufacturing period, types of capitalism, intensive agricultural technologies.

Введение

Суть принципа историзма в самом общем виде заключается в идее **развития** во всех областях научного знания и, в особенности, в гуманитарных науках. Как показывает историография, осознание истины, что ни сам человек и его мышление, ни общественные институты не могут быть поняты вне связи, во-первых, с обстоятельствами места и времени их функционирования и развития, во-вторых, с историей их происхождения, окончательно произошло к середине XIX в. [1, с. 3]. Тогда из философии выделилось и понятие *социологии* как особой науки об обществе и его отдельных институтах. И к этому же времени относятся следующие важнейшие события и процессы в судьбе таких значимых для общества институтов, как системы **экономической политики** и **университетского образования** и теснейшим образом связанной с ними экономической науки:

– полная победа в Англии, явной стране-лидере экономического роста («мастерской мира») среди великих держав, принципа **свободы торговли** (манчестер-

ства) в экономической политике, что положило начало общеевропейской эре фритредерства [39, р. 298–300];

- оформление представлений о дисциплинарной структуре науки как *научения* и как *исследования* в лоне университетов; с акцентами на учебных методах изложения и процедурах передачи знания и на правилах письменной фиксации научных достижений в специальной литературе [25, с. 216];

- приведение в систему **классической политической экономии** (Дж. Милль «Принципы политической экономии», 1848), ее использование и восприятие как обоснование принципа невмешательства, и *развертывание ее критики* с позиций отстаивания интересов стран запоздалой индустриализации (Ф. Лист «Национальная система политической экономии», 1841), или обездоленных классов сложившегося индустриально-капиталистического общества (Ф. Энгельс «Наброски к критике политической экономии», 1844; К. Маркс «К критике политической экономии», 1859).

Классическая политическая экономия (в дальнейшем — КПЭ) выводила свои законы и категории как **универсальные** («естественные»), основанные на предпосылке о создании и накоплении богатств частными, мотивированными индивидуальным стремлением к материальной выгоде, хозяйствами и абстрагировании от обстоятельств места и времени. Это **внеисторическое понимание** предмета и метода политической экономии и было подвергнуто критике сначала *неуниверситетскими экономистами* (Ф. Лист, с одной стороны, социалисты вплоть до К. Маркса — с другой), а затем университетскими немецкими **историческими школами** в политэкономии — «старой» (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс) и «молодой» (с Г. Шмоллером во главе). Главными объектами критики стали следующие атрибуты классической школы: «космополитизм» (определение Листа) — безразличие к национально-государственным интересам; «перпе-

туализм» (определение К. Книса) — предпосылка о неизменности экономических категорий во времени и постоянстве «нормальной» формы народнохозяйственной организации, достигающей высшего выражения в свободной конкуренции; методологический индивидуализм и абстрагирование от связи экономики с другими сторонами общественного процесса.

Соответственно, **принцип историзма** как противоположение этой методологической атрибутике классической школы подразумевал: национальную вариативность экономической политики и растождествление политики невмешательства с «естественным состоянием» (обосновано Листом в переоценке меркантилизма и учении о «воспитательном» протекционизме, затем программой «Союза социальной политики»); исторический, обусловленный временем, характер экономических категорий (доведено Книсом до отрицания экономических законов вообще, а Марксом — до классового подхода); выяснение связи хозяйственных мотивов с национальным этосом и правом у экономистов «молодой» исторической школы; марксистское историко-материалистическое выведение «надстройки» из «базиса»; принципиальное значение категории «производительные силы».

Наконец, и то, и другое направления довели принцип историзма до идеи **стадиального развития**, которая под влиянием распространившегося **эволюционизма** как в естественных (геология, биология), так и в общественных (социология, этнография, юриспруденция) науках, приобрела различные формулировки *последовательных стадий хозяйственной эволюции*. Первую такую, довольно примитивную, формулировку дал Ф. Лист, предложив ряд охотничьей, пастушеской, земледельческой, земледельческо-мануфактурной и земледельческо-мануфактурно-коммерческой стадий; Б. Гильдебранд ввел ряд натуральное — меновое (денежное) — кредитное хозяйство; К. Маркс, развивая

учение сен-симонистов о стадиях эксплуатации человека человеком, — формационный ряд (заметим, что именно в предисловии к работе «К критике политической экономии») и ряд «подчинения труда капиталу» (простая кооперация — мануфактура — фабрика; «Капитал», т. 1, 1867); Ф. Энгельс — положение о политической экономии различных способов производства («Анти-Дюринг», 1878).

Но при всех существенных «классовых» отличиях «буржуазного» исторического направления от марксизма и их обоих от классической школы, общей для всех трех (за отдельными исключениями) была уверенность в преимуществах **крупного производства** — *коммерческого лендлордизма и капиталистического фермерства* в сельском хозяйстве, машинного производства в промышленности. На крупные предприятия германских землевладельцев (юнкеров и грессбауэров) ориентировалась и **сельскохозяйственная экономия** (в дальнейшем — СХЭ), со времен основателя агрономии А. Тэера выделившаяся из камеральных наук и установившая различие между **экстенсивным** и **интенсивным** земледелием и исторический ряд систем (полеводства): архаичные подсечно-переложные — экстенсивное феодальное трехполье — интенсивное многополье (травосеяние и плодосмен). Между тем в Европе историк С. де Сисмонди, первым сделавший предметом политэкономического осмысления кризисы крупного промышленного перепроизводства, «откололся» от классической школы, выступив с пропагандой *устойчивости хозяйства, основанного на мелком землевладении*. А первый русский революционер А. Н. Радищев оставил в наследство русским экономистам размышления о мелкой сельской домашней промышленности, доставляющей крестьянам-кустарям «довольственное житие».

Очерченный круг политэкономических противоположностей пополнился с «открытием» прусским

бароном-визитером А. фон Гакстгаузенем и московскими философами-славянофилами сельской помещичьей общины как особенного института русского хозяйства, на котором якобы можно основать иной путь промышленного развития, чем западноевропейский с его «эгоизмом собственности», «язвой пролетариата» и революционными потрясениями. Poleмика славянофилов с западниками началась тогда, когда в интеллектуальные круги России проникали экономические идеи из Европы в двух основных видах: в виде трактатов «эклектических экономистов» [2, с. 152-153] и в виде утопических и революционных идей социалистов. Двумя известными курсами «эклектической политической экономии» были изданный по-французски в Петербурге учебник А. К. Шторха (1815), прибалтийского немца-смитианца и первого русского академика-политэконома, и «Опыт о народном богатстве» (1847) камер-юнкера А. И. Бутовского, эпитона первых западных профессоров политэкономии — Сэя (и его французской школы) и Мальтуса. Не вдаваясь здесь в подробную оценку обоих курсов, отметим две их общие черты: небрежение проблемой кустарных промыслов, сводимой к «невежеству и искаженному понятию о выгодах» в русском крестьянстве, не осознающем, подобно А. Смиту, преимуществ разделения труда; наличие в эклектизме *элементов историзма*. Шторх, критикуя крепостное право (почему его курс и не был издан по-русски) и безоговорочно соглашаясь с А. Смитом в критике меркантилизма, выделил три исторических ступени рабства в экономике: рабство как таковое, крепостное право и торгово-промышленные монополии. Бутовский, чье сочинение было отпечатано в типографии Его Императорского Величества канцелярии, крепостное право критиковать не смел, зато остро критиковал западные идеи социализма и коммунизма. Присоединяясь к космополитизму Сэя в трактовке экономических законов, Бутовский

тем не менее вслед за итало-французским географом и этнографом Адриано Бальби (1782–1848) указывал на исторически различные хозяйственные состояния (охотничье, скотоводческое, земледельческое, торговое) и многократное уплотнение населения при переходе от одного состояния к другому.

Полемика славянофилов с западниками, начавшаяся при крепостном праве в «изумительный период внешнего политического рабства и внутреннего освобождения» (по словам А. И. Герцена), продолжилась в эпоху раскрепощения, которая стала и новым этапом в российской рецепции западной политэкономии. Эта рецепция по многим причинам предрасполагала к историзму. В европейской науке широко распространились принципы эволюционизма; русские политэкономы нового поколения («шестидесятники») направлялись на стажировки преимущественно в Германию, где появились «старая», а затем и «молодая» исторические школы; русский язык стал первым, на который был переведен «Капитал» Маркса с языка оригинала (русское издание первого тома в 1872 г.). Русские политэкономы хотели быть на уровне европейских интеллектуальных стандартов, но они понимали разительные отличия между западными корнями классической политэкономии и обстоятельствами русской крепостнической и пореформенной истории. Имели они представление и о «темных сторонах», социальных конфликтах европейской индустриализации. Поэтому столь пристальным было внимание к западным концепциям, предлагавшим стадийные схемы поступательного экономического развития.

Эти концепции воспринимались сквозь призму исследований русского **хозяйственного быта** в его историческом прошлом и противоречивом настоящем. Как известно, К. Маркс в построении своих стадийных схем опирался на философии истории Гегеля и сен-симонизма, а также на принцип классовой

борьбы, прослеженной французскими историками эпохи Реставрации. Г. Шмоллер, формулируя общие задачи **исторического направления в политэкономии**, воздавал хвалу германской исторической науке как достигшей в XIX в. наибольшей высоты развития, а немецкую молодую историческую школу (в дальнейшем — НМИШ) нацеливал прежде всего на работу над **историко-хозяйственными монографиями**.

Русские прообразы такого рода монографий начали появляться еще до формирования НМИШ и на фоне ежегодного выхода один за другим (с 1851 г.) томов монументальной «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева: «Крестьяне на Руси» (1860) И. Д. Беляева, «Очерки истории торговли Московского государства» (1862) Н. И. Костомарова, «Историко-географическое распределение русского народонаселения» (1864) А. П. Шапова, «Промышленность Древней Руси» (1866) Н. Я. Аристова и т. д. Но первой русской историко-хозяйственной монографией в политэкономическом смысле стало исследование А. К. Корсака «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России» (1861). Написанное под воздействием немецкой старой исторической школы (в дальнейшем — НСИШ), оно фактически положило начало отечественной экономической компаративистике (подробнее — [8]).

А.К. Корсак и зачин исторического направления в российской политэкономии

Репутацию первого «выразителя» или «глашатая» идей исторической школы политэкономии в России снискал И. К. Бабст — видная фигура общественности и делового мира эпохи «Великих реформ» в России; профессор политэкономии» Казанского (1852–1856) и затем Московского (1857–1874) университетов. Он прославился призывом к усвоению «здравых поня-

тий» западной экономической науки и информировал российскую публику в новом «толстом» ежемесячнике «Русский вестник» о новом историческом методе в политэкономии (1856), а затем редактировал русский перевод (1860) первого тома «Системы народного хозяйства» В. Рошера — главного трактата НСИШ. Но Бабст был не оригинальным исследователем, а типичным «эклектическим экономистом» и еще более публицистом, вхожим в деловые и придворные круги. Тем не менее, его роль в рецепции идей немецкой исторической школы в России нельзя не отметить, причем двояким образом.

1. Прямыми университетскими учениками И. К. Бабста были А. К. Корсак — создатель первой русской историко-хозяйственной монографии — и затем А. И. Чупров и И. И. Янжул — самые значительные фигуры в рецепции идей НМИШ, которые усвоили от своего учителя постановку задачи выяснения видоизменений общих хозяйственных законов в зависимости от условий места и времени.

2. Бабст, в отличие от представителей НСИШ Рошера и Гильдебранда, оставшихся приверженцами принципа невмешательства, сразу четко сформулировал позицию, воспринятую его учениками и занятую впоследствии НМИШ во главе с Г. Шмоллером: исторический метод — это основа средней линии между крайностями экономического либерализма и революционного социализма. Бабст отверг как отказ Рошера от решения проблемы бедных классов, так и «путь революций и переворотов» в решении этой проблемы, высказавшись за реформистский «мирный путь положительного законодательства».

«Среднюю линию» в политэкономии русские сторонники исторического метода связывали не только с правительственным вмешательством «сверху», но и с формами экономической («артельной») самостоятельности «снизу». Отсюда — пристальный интерес к со-

циальному экспериментированию и экономическому прожектёрству на Западе (производственные кооперативы, потребительские ассоциации, ссудо-сберегательные товарищества, социалистические общины и т. д.). Этот интерес наложил отпечаток на сравнительно-историческое исследование А. Корсаком своеобразия русской промышленности. На ученика Бабста, помимо Рошера, оказали влияние такие германские экономисты, как основатель кредитной кооперации Ф. Шульце-Делич (1808-1883) и социалист-утопист Марло (К.-Г. Винкельблех, 1810-1865); у последнего¹ Корсак заимствовал понятие «**индустриальная революция**». Корсак не только ввел это понятие в русскую экономическую литературу, но и дал систематичную характеристику *фабричной индустрии* как логической и исторической ступени капиталистической промышленности; показал ее преимущества вследствие *эффекта масштаба* (производство, сбыт, кредит); провел (упредив первый том «Капитала» Маркса) четкое различие между нею и *мануфактурой*².

В связной картине Корсак оттенил все стороны промышленного переворота на Западе: 1) технико-инновационную — внедрение достижений *механики и химии*; соединение *многих* рабочих, взрослых и малолетних, вокруг *единой* системы механизмов, приводимых в действие центральной двигательной силой; 2) рыночно-инновационную — предпринимательство, основанное на расширении кредита; соединение благодаря наемному труду качества изделий с их дешевой; 3) социально-экономическую (урбанизация и пауперизм) — насильственный характер массового

¹ Снискавшего некоторую посмертную известность позже, после выхода книги А. Шеффле «Капитализм и социализм» (1870).

² В русском обиходном языке понятия «мануфактура» и «фабрика», пришедшие в него одновременно при Петре [32], отождествлялись как названия крупных предприятий в обрабатывающей промышленности, где огонь не играет первенствующей роли (в противоположность «заводу»).

обезземеливания и темные стороны быта скученной в городах «бескапитальной массы», воспроизводство многочисленного «класса беспомощных людей, который мы называем пролетариатом».

Наконец, Корсак, опираясь на главу IV книги III «Богатства народов» А. Смита, определил последовательность форм промышленности, предшествовавших на Западе крупному фабричному производству:

привилегированное цеховое ремесло, укрытое за стенами городов, создавшее традицию *специализированного* корпоративного мастерства, гарантировавшее качественную продукцию по монопольным ценам;

- первые *мануфактуры*, возникшие в странах с географически удобным местоположением для привоза заграничного сырья и выгодного экспорта (Италия и Нидерланды) и ориентированные на отдаленный международный массовый сбыт предметов роскоши (прежде всего — тонких сукон и шелков);

- «изысканная промышленность» дорогих изделий под покровительством монархов (особенно во Франции и германских княжествах);

- домашняя система производства наиболее употребляемых изделий из местных материалов, обеспечившая *недорогие* изделия в силу того, что домашняя выработка по заказу скупщиков-предпринимателей была побочным трудом земледельцев.

Эту систему вытеснила фабрика, соединившая качество изделий с их дешевизной и массовым сбытом, — но полностью только в Англии. Тогда как в России, напротив, товары, производимые в городах фабричным способом, не покрывают народных потребностей и часто не выдерживают ценовой конкуренции с дешевыми, хотя и «немногосложными» (невысокого качества) изделиями, производимыми в сельских избах **кустаря-ми**. Значит ли это, что сельская домашняя (кустарная) промышленность, как правило, слитная с земледельческим бытом, является своеобразным хозяйственным

укладом России, который позволит ей избежать «язвы пролетариата»?

Корсак приходил к выводу, что нет, что распространённость русской кустарной промышленности — результат экономической отсталости страны. Но, с одной стороны, он проследил укоренённость этой отсталости в истории и *географии* России. С другой стороны, считая «всепоглощающее могущество» фабричной системы нежелательным и социально ущербным, Корсак не оставлял надежды на будущность более благополучного «смешанного» земледельческо-промышленного состояния русских работников.

Отличительные особенности эволюции форм русской промышленности в связи с хозяйственным бытом в целом Корсак характеризовал так.

1. Русское ремесло не оформилось в городское цеховое мастерство, не стало достоянием отдельного класса населения с монопольными правами и привилегиями, поскольку русские города возникали преимущественно из военно-административных соображений и не стали средоточиями богатящего среднего сословия.

2. Русское ремесло, рассеиваясь среди поселян без плотных союзов и корпоративного совершенствования навыков, ориентировалось не на качество, а на дешевизну несложных изделий, основная часть которых находила только *отдаленный* сбыт, обширный ввиду громадных просторов страны. Поэтому целые деревни, удобно расположенные у больших дорог, становились центрами **оптовых ремесел** (жители одной деревни целиком занимались кузнечным ремеслом, другой — тележным, третьей — ткацким, четвертой — красильным и т. д.).

3. Царская власть, вследствие недостатка ремесленных искусств в массах, исстари сводила мастеров в казенные слободы, привлекала иностранцев для промышленных заведений, пока, наконец, Петр I не захотел разом перенести почти все существовавшие в его время в Европе отрасли промышленности на русскую

неподготовленную почву. Он насаждал мануфактуры и фабрики «несчастливыми мерами» монополий и отягощением крепостного права. Но это насаждение дало стимулы и сельской домашней промышленности, в отдельных случаях благотворно повлиявшей на крестьянское довольство (село Иваново Владимирской губ.).

4. Живучести русской кустарной промышленности способствуют суровые климатические условия холодного и континентального климата. Они — препятствие специализации работников *исключительно* на земледелии, помеха переходу к улучшенным *плодопеременным* системам полеводства, так как сжимают сроки полевых работ. Но тем самым крестьяне, вынужденные искать на полгода и больше дополнительные занятия и источники доходов, посвящают свободное время «рукоделию», от обработки небольшого участка земли, производя кустарную продукцию на внутренний рынок.

5. Создание в России новой формы промышленности, которая подтянула бы сельские промыслы к уровню фабричного производства, возможно при условиях: повышения культурности; кооперативного объединения для оптовой покупки материала и для сбыта произведений; устройства показательных общественных мастерских; обеспечения доступного мелкого кредита; борьбы с паразитическим диктатом посредников-кулаков.

Прижизненная судьба А. К. Корсака не сложилась: он рано умер, а его трактат не был по достоинству оценен. Корсак поднялся над крайностями славянофильства и западничества; он лишь однажды упомянул о русской общине — чтобы высмеять ее «первооткрывателя» А. фон Гакстаузена, вообразившего, что русские сельские ремесла суть... «ассоциации, которые напоминают собою учение сен-симонистов». Но тем самым книга, вышедшая в год падения крепостного права, осталась вне злободневных напряженных дискуссий об общинном землевладении и не привлекала

внимания. Лишь позднее она получила высокую оценку в классическом труде М. Туган-Барановского «Русская фабрика» (1898) и в первых русских систематических университетских курсах экономической истории И. Кулишера и М. Довнар-Запольского.

Российская рецепция принципов «молодой» исторической школы и социал-политики

На первое десятилетие после отмены крепостного права приходится формирование круга русских экономистов и публицистов, сыгравших ключевую роль в университетском преподавании политэкономии вплоть до начала XX в. и образовании русской школы финансового права. Эти ученые и общественные деятели (связанные личной дружбой) – А. И. Чупров, И. И. Янжул, И. И. Иванюков – по окончании русских университетов продолжили образование в Германии, Англии, США. Как раз во время, с одной стороны, формирования НМИШ и «Союза социальной политики», с другой стороны – начавшихся попыток сужения предмета политической экономии до обменочентричной *economies*. Такое сужение, на котором настаивал вслед за архиепископом Уотли Г. Маклеод, было категорически отвергнуто в магистерской диссертации Иванюкова (1870).

Стажировка Чупрова и Янжула (которых, как запретный плод, привлекал рабочий вопрос) в Лейпцигском университете совпала с Эйзенахским учредительным съездом «Союз социальной политики» под руководством Шмоллера и публикацией в Лейпциге двухтомника Л. Brentano «Профессиональные организации рабочих». Подробности о Шмоллере и Brentano русские узнали из лекций по рабочему вопросу молодого Г. Кнаппа, только что назначенного профессором. Далее Чупров уехал в Вену, где в университете пользовался особенным вниманием знаменитого государственоведа Л. фон Штейна, автора концепции **соци-**

ального государства. Разработанное Штейном учение об управлении (*Verwaltungslehre*) исходило из идеи государства как верховной власти, которая стоит над обществом и над ожесточенной классовой борьбой и стремится поднять уровень обездоленных классов. Янжул отправился в Лондон для работы в Британском музее, вникая в детали английской торговой политики и фабричного законодательства.

Гвоздем исследований Янжула, по его собственным словам, стал вывод, что характер финансовых учреждений и выбор экономической политики в конкретный исторический период определяется борьбой классовых интересов. Акцизы и ограничения свободы торговли были выгодны в Англии политически господствовавшему классу лендлордов. С ростом политического влияния фабрикантов происходило умаление косвенных налогов и таможенных пошлин, мешавших развитию промышленности. Янжул особо подчеркивал роль общественной активности, опирающейся на свободную печать, для улучшения государственных финансов и управления. Однако Янжул, отметил, во-первых, что реформирование налогообложения в Англии далеко не привело к пропорциональному распределению налогового бремени; интересы рабочего класса ущемлены. Во-вторых, политика свободной торговли оказалась выгодной для Англии как ведущей промышленной нации и не может быть возведена в универсальный принцип.

Вернувшись в Россию и быстро защитив одну за другой диссертации, Янжул с конца 1870-х гг. в публичных лекциях и статьях выступал за поворот России к таможенному протекционизму (введение покровительственного тарифа) и за правительственный надзор за условиями труда и быта рабочих на фабриках. Янжул нашел соответствие собственным идеям в трудах теоретика «государственного социализма» А. Вагнера, появившихся в Германии в конце 1870-х.

А именно: использование налогообложения как орудия социальных реформ; **разделение финансовой истории на два периода**: период чисто фискальный и период социально-политический. Второму периоду соответствует частичное перераспределение народного богатства с введением прогрессивных форм обложения наследств и капитала.

Янжул был приглашен другим почитателем Вагнера, министром финансов Н. Х. Бунге на пост первого фабричного инспектора Московского фабричного округа (1884–1886); после вынужденной отставки (травля со стороны московских фабрикантов) Янжул вернулся к сотрудничеству с Министерством финансов при Витте. Тот откомандировал профессора на Всемирную выставку в Чикаго (1893), чтобы на материале США выработать рекомендацию царскому правительству по отношению к отраслевым промышленным монополиям, которые стали тогда возникать и в России, где их называли «стачками предпринимателей». Янжул резюмировал свой анализ возникновения американских трестов выводом, что это «новая форма ликвидации старых экономических понятий о свободной конкуренции». Рекомендации Янжула правительству Витте заключались в том, что надо законодательно регулировать и поддерживать тресты и синдикаты как возможное средство предупреждения промышленных кризисов.

Янжул подчеркивал, что его исторический и классовый подход к налогообложению и торговой политике сложился независимо от всякого влияния марксизма. Напротив, Чупров и Иванюков, в 1870-е гг. накопившие богатый опыт службы в правительственных структурах, а в 1880–90-е написавшие наиболее значительные университетские курсы политэкономии, не скрывали влияния, оказанного на них «Капиталом» Маркса. Но, во-первых, они оба не придавали принципиального значения революционным выводам самого

Маркса из его историзма (историчность права собственности, эволюция форм крупной промышленности и т. д.). А, во-вторых, до марксизма они оба испытали влияние двоякое влияние Н. Г. Чернышевского: и как защитника общинного землевладения, и как переводчика Джона Стюарта Милля. В результате Чупров и Иванюков стали русскими катедер-социалистами, сохранившими веру в общинный уклад и семейные (т. е. кустарные) формы промышленности наряду с признанием активной роли государства как агента социальных реформ. Это было дополнительным фактором сближения с НМИШ, уделившей большое внимание истории и статистике формам европейской мелкой промышленности в разнообразии ее форм. Но одновременно Чупров и Иванюков признавали дедуктивный метод английских классиков, опирались на трудовую теорию ценности и присоединялись к Марксову анализу стадий подчинения труда капиталу. В своей вступительной профессорской лекции в Московском университете Чупров отметил, что в каждом из трех направлений (английская либеральная политэкономия, историческая школа, марксизм) есть своя доля истины, а в своих лекциях по истории политической экономики подчеркивал, как некогда его учитель Бабст, среднего положения исторического направления между экономическим либерализмом и революционным социализмом. Похожую позицию выразил Иванюков в своем учебнике с характерным заглавием «Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений» (1885).

Автором еще одного популярного русского курса политэкономии и также представителем катедер-социализма был несколько более молодой по возрасту А. А. Исаев. Он отводил центральное место учению о «системах», «размерах», «формах» и «размещении» производства, стремясь к соединению историзма в понимании промышленности (ремесло — ману-

фактура — фабрика) и сельского хозяйства (стадии экстенсивного и интенсивного полеводства) и рассматривая в этом контексте проблему исторических судеб общинного землевладения и кустарной промышленности.

Полемика о стадиях и типах капитализма

А. И. Чупров, И. И. Янжул, И. И. Иванюков, связанные личной дружбой, принадлежали к тому же поколению, что и главные идеологи русского экономического народничества и первые русские интерпретаторы формационного подхода — В. П. Воронцов (В. В.) и Н. Ф. Даниельсон (Николай — он). Этот факт важен потому, что проблема историзма в пореформенной российской политэкономии имела два фокуса: этапы экономической эволюции и сходство/различие путей экономического развития России и Запада.

Народничество, которому русский язык обязан введением в обиход понятия «капитализм», не добившись от самого К. Маркса прямого ответа на вопрос, возможна ли формационная эволюция России в «обход» капитализма¹, выработало собственную версию движения страны по «особому пути» на основе унаследованных от исторического прошлого институтов общинного землевладения и кустарных промыслов.

Шумная полемика в самом конце XIX в. между народничеством и, как тогда говорили, «неомарксизмом», по сравнению со спорами западников и славянофилов велась не просто о «самобытности» либо принципиальном сходстве российского пути развития с западным. А более конкретно — о возможности/невозможности

¹ А лишь оговорки, что выводы «Капитала» ограничены материалом Западной Европы, — вопреки предисловию в самом «Капитале» о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственно будущего».

миновать конкретные этапы (*стадии*) капиталистической промышленности — мануфактуру и фабрику.

Прямым предшественником «неомарксистов» был Н. И. Зибер (1844–1888), а единомышленником — Ф. Энгельс, оставивший в прошлом допущения Маркса по поводу «общинного» шанса возрождения России и говоривший в начале 1890-х гг., что «шестерня капитализма уже крепко врезалась местами в русскую экономику» [29, с. 72]. Зибер, сказавший как-то Михайловскому: «пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет», написал два капитальных труда в обоснование положения о несамобытности российского пути развития. В «Очерках первобытной экономической культуры» (1883), привлекая обширный этнографический материал, Зибер доказывал наличие стадии общинно-коллективного хозяйства у всех народов и неизбежное разложение общины под воздействием прогрессирующего разделения труда. А в книге «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885) — капиталистический характер российских кустарных промыслов как разновидности надомной (рассеянной) мануфактуры. Выделенные Марксом стадии капиталистического способа производства Зибер интерпретировал как необходимую последовательность *естественных фаз*: «Невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику» [11, с. 406].

В дискуссиях 1890-х гг. «неомарксисты» — как те, которых впоследствии назвали «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков), так и революционные социал-демократы (Г. В. Плеханов, Вл. Ильин и др.) — вслед Зиберу доказывали неизбежность и прогрессивность расслоения русской общины и природу российских кустарных промыслов как рассеянной мануфактуры. Причем и дифференциацию крестьянства на бедноту и меньшинство крепких, приспособленных к товар-

ному производству хозяев (П. Струве), и «интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и земледелии» (Вл. Ильин) «неомарксисты» рассматривали как процесс «роста производительных сил».

Наиболее значительным вкладом в экономическую компаративистику из работ «неомарксистов» следует признать докторскую диссертацию М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика». Она была полемикой не только с экономистами-народниками, но и с либеральным историком П. Н. Милюковым, снискавшим известность своими работами «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого» (1892) и «Очерки по истории русской культуры» (ч. 1, 1896). В них Милюков акцентировал искусственность насаждения «продолжительным и усиленным покровительством» крупной промышленности в России — «стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и покупателей» [20, с. 84].

Туган-Барановский, возражая Милюкову и народникам, указал на своеобразие эволюции крупной и мелкой промышленности в России. В России не сложилось традиции независимого городского ремесла, выпестовавшей на Западе «средний класс» (мелкую буржуазию). Но в Московском царстве было достаточно крупного торгового капитала, не проявлявшего склонности к вложениям в промышленность, где царило примитивное мелкое производство, но под давлением Петра все же ставшего *базисом, на котором основалось крупное производство* — инициированные имперским государством фабрики и крупные мастерские [36, с. 86]. И именно в этом крупном производстве, а не в старинных доморощенных промыслах, надо видеть истоки русского кустарничества (наиболее впечатляющий пример — хлопкоткачество села Иванова): «фабрики раздробились в кустарную промышленность». Пока фабрика основывалась на руч-

ном и крепостном труде, с ней успешно конкурировала кустарная изба.

Добавим к сказанному Туган-Барановским, что эта эволюция русской промышленности отразилась в языке. Слово «кустарь» произошло от «обрусения» средне-нижненемецкого «*kunstener*» – «знаток искусства, ремесла» [37, с. 432]. А знаменитый «Толковый словарь» В.И. Даля приводит характерную фразу, отражающую реальность первой половины XIX в.: «нас кустари одолели, говорят фабриканты». Но с внедрением машин и отменой крепостного права фабричное производство стало вытеснять кустарные промышленные станы.

П. Струве в статье «Научная история нашей крупной промышленности» (1898), резюмируя исследование Туган-Барановским генезиса российского капитализма, ввел понятие *децентрализованного товарного производства* для оценки своеобразия формирования внутреннего рынка в России. Струве считал, что для Запада характерен был процесс роста товарного хозяйства из местных рынков, связывающих городское корпоративное ремесло с сельской округой. А для России – формирование внутреннего рынка на основе оптовых деревенских ремесел, подчиненных действующему на громадной территории торговому капиталу. Искусное и специализированное западноевропейское ремесло технически подготавливало капитализм, но при этом сопротивлялось ему корпоративным правом, ограничивавшим свободу предпринимательства. Российское децентрализованное товарное производство было технически отсталым, но зато свободным от цеховых стеснений предпринимательства: «при крепостном праве полное *laissez faire*, смягченное высоким помещичьим оброком и чиновничьими взятками» [34, с. 443].

Вывод о сравнительно-исторических различиях *предпосылок* капитализма на Западе и в России Струве

сочетал, однако, с мнением о нивелирующей тенденции *зрелой* капиталистической формы производства в разных странах. В нашумевших «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» (1894) Струве предполагал, что «выгучка у капитализма» повлечет достаточно быстрое приближение доли земледельческого населения в России (80 %) к таковой в США (40 %) ¹ и российского сельского хозяйства — к американской фермерско-хуторской системе [33, с. 240, 253, 281]. Однако специальное исследование западного опыта в работах третьего видного представителя российского «легального марксизма» — С.Н. Булгакова — поставило под сомнение унифицирующую тенденцию капиталистического производства.

С задором включившись в полемику с народничеством книгой «О рынках при капиталистическом производстве» (1897), Булгаков был согласен со Струве в том, что нищета и бедность «могут быть уращены только капитализмом» и Россия страдает не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития. Монография «Капитализм и земледелие» (2 т., 1900) была задумана Булгаковым как трактат по сравнительному анализу *аграрной эволюции* главных стран Западной Европы, подтверждающему марксистский закон концентрации производства. Однако углубление в проблему привело Булгакова к иным — ревизионистским — выводам:

1. Развитие Англии, вопреки Марксу, не составляет «нормального типа» капитализма. Созданная там самая ранняя форма крупного предприятия была наследием средних веков и результатом насильственной экспроприации крестьянства с превращением мелкого производителя в наемного рабочего,

¹ Неправомерность такого уподобления двух стран был отмечена в переписке Ф. Энгельса и Н. Даниельсона [28, с. 660, 663].

повторившейся отчасти только в Пруссии в первой половине XIX в.

2. Крупное предприятие в сельском хозяйстве не имеет тех технических преимуществ, как в промышленности; «теплицей для крупного земледелия» было «абсолютное» *предкапиталистическое* перенаселение, а с ростом капитализма и «исчезновением свитых крепостным правом гнезд» проявляется тенденция к разложению крупного земледелия в мелкое крестьянское хозяйство.

3. Причина предкапиталистического перенаселения – «распрявление пружины» размножения народной массы после отмены крепостного права; раскрепощение сразу увеличивает деторождение и создает, таким образом, абсолютное перенаселение, избыток рабочей силы; сформулированный Марксом закон относительного капиталистического перенаселения Булгаков отрицал, полагая, что самостоятельное значение народонаселения (и перенаселения) как могучего фактора социального развития осталось Марксом непонятым.

Выводы Булгакова по аграрному вопросу, с одной стороны, вливались в течение *аграрного ревизионизма*, получившее на рубеже XIX и XX вв. распространение в германской и австрийской социал-демократии, с другой стороны, стали переломными в идейной эволюции этого мыслителя от «легального марксизма» к «христианской философии хозяйства». Уже после поворота «от марксизма к идеализму» Булгаков написал для серии «Религиозно-общественная библиотека» «Краткий очерк политической экономии» (1906), где вернулся к критике универсализации английского опыта капитализма и одновременно выдвинул положения, воспроизводящие аргументы российских сторонников «народного производства». Хотя Булгаков не отказался от своих прежних выводов об исторической необходимости фабрично-заводского капита-

лизма в России и об угнетенном состоянии «пасынков капитализма» — кустарей, он соглашался теперь с наличием географических факторов живучести кустарничества и с желательностью «соединения промыслов с земледелием» в будущем хозяйственном строе России [4, с. 79–81]. Наконец, Булгаков признал правоту народников в критике российского *бюрократического капитализма*, насаждаемого казенными заказами в отрыве от внутреннего рынка, а также в акценте на важности внешних рынков на начальном этапе национального капиталистического развития.

Соотношение роли внешних и внутреннего рынков Булгаков принял в качестве критерия разных типов капитализма. Первый тип, «не повторившийся» — английский: страна с островным положением, верховенством на морях, доминирующей ролью в мировой торговле и денежном обороте, «односторонним развитием экспортирующей индустрии за счет земледелия». Второй тип — континентально-европейский (Германия и Франция) с гораздо более значительной ролью внутреннего рынка. Третий тип — североамериканский, «колониальный», с наличием большого массива свободных земель, широкими возможностями населения для заведения собственного хозяйства, «прибоем» иммиграции и рабством негров.

Схема Булгакова, кроме эволюции его собственного мировоззрения, отразила влияние на русскую экономическую мысль новых веяний со стороны германской исторической школы в политэкономии. Десятилетие «полемиического вдохновения» и раскола российского «неомарксизма» (1893–1902) совпало с важным поворотным моментом в эволюции германской исторической школы — переходом к *стадиальному анализу*. Трактаты К. Бюхера «Происхождение народного хозяйства» (1893) и В. Зомбарта «Современный капитализм» (1902) снискали в России широкую популярность и привлекли пристальное внима-

ние как бывших «легальных марксистов»¹, так и социал-демократов А. А. Богданова и И. И. Степанова, обращавшихся к книгам немецких авторов за материалом при разработке марксистской формационной «политэкономии в широком смысле» (подробнее: [9]). Но прямым последователем исторической школы и глашатаям *экономической истории* как отдельной науки стал в России в начале XX в. петербургский экономист И. М. Кулишер, не связанный с «неомарксизмом» конца XIX в.

И.М. Кулишер: сравнение стадий промышленной эволюции стран Запада и России

Историко-экономические труды И. Кулишера (1878–1933), получившие международное признание еще в 1920-е гг. (оставшееся на Западе и позднее²), были недавно воскрешены из советского забвения, хотя *смена знака тенденциозности* в их трактовке едва ли имеет смысл³. Не будучи марксистом и внося существенные коррективы в Марксову оценку «исторической тенденции капиталистического накопления», Кулишер тем не менее согласился с логическим выделением Марксом особой мануфактурной стадии капитализма. Для компаративистики наибольший интерес имеет как раз впервые осуществленное Кулишером развернутое сопоставление мануфактурного периода во всех крупнейших европейских странах. На основе проделанного анализа Кулишер сделал вывод,

¹ «В экономической науке давно не было такого праздника, как когда Бюхер опубликовал свои замечательные этюды» [34, с. 427].

² Известны высокие оценки, данные работам Кулишера лидерами французской школы «Анналов» [3, с. 9].

³ В предисловии к современному изданию главного труда Кулишера в противоположность изданию советского Госиздата (1926) говорится: «в первом абзаце нужно поменять минус на плюс: «сочинение это не совсем строго отражает идеологию марксизма, в этом, несомненно, его [сильная сторона]» [15, с. III].

что в закономерностях экономической эволюции России и Западной Европы больше общего, нежели противоположного. Категоричные обобщения А. Корсака и П. Милюкова о «несчастных мерах» Петра I по искусственному насаждению в России мануфактур с опорой на принудительный труд и привлечение иностранцев не учитывали сходных явлений в Западной Европе.

Кулишер показал, что, во-первых, принудительный труд играл огромную роль не только в русских посессионных и вотчинных, но и в первых западноевропейских мануфактурах, которые — при отсутствии крепостного права — создавались в тюрьмах, приютах и т. п. местах как исправительные «работные дома» [17, с. 132–134]. Во-вторых, приглашение иностранцев с предоставлением им привилегий было общим правилом для введения новых отраслей. Даже Англия началом своего промышленного лидерства была обязана голландцам и фламандцам, получавшим патенты от короны и внедрявшим производство шерстяных тканей, ярких красок¹, мыла, селитры, оконного стекла, проволоки, часов с маятником и мн. др. [15, т. 2, с. 105]. Французская промышленность с ее изящным вкусом и красивыми изделиями была создана итальянцами, прусская — гугенотами. Многочисленные факты инновационного вклада иммигрантов (особенно нидерландских и французских протестантов) в мануфактурную промышленность разных стран Европы интересны в связи с современной проблематикой роли *диаспор* в мировой экономике, по словам Кулишера — «растекания промышленных элементов населения». Наконец, Кулишер, отражая общую для исторической школы переоценку меркантилизма, настаивал на пе-

¹ Один из самых выдающихся изобретателей XVII в. (подводная лодка, микроскоп и др.) голландец Корнелиус Дреббель, придворный механик первых Стюартов, был оценен за изготовление новой алой краски для сукон.

решение отрицательных вердиктов государственному вмешательству в промышленность («кольбертизму») как в России, так и в крупнейших континентальных странах Европы.

Кулишер указал на значение в формировании национальных хозяйств тесной связи мануфактурной промышленности — не только централизованной, но и кустарной — с военными нуждами государства. Появление с XVI в. больших европейских армий вызвало расширенный по сравнению с городским ремеслом спрос, но с гарантированным потребителем — государством; а тем самым — массовое производство и новую организацию снабжения, направляемую поставщиками-скупщиками. Отличительными особенностями производства для потребностей армии были однородность вырабатываемых изделий и необходимость скорой доставки их большого количества. Поэтому рядом с производством вооружения и снаряжения развивались не только крупные предприятия, стимулировавшие прогресс металлургии и станкостроения, но и массовое надомное производство форменной одежды, парусины и т.д., ставшее основной формой мануфактурной промышленности даже в рамках французского кольбертизма [16, с. 87].

Недолговечность же многих субсидированных государством предприятий, по мнению Кулишера, не означала безрезультатности усилий по стимулированию промышленного роста, который следовал с интервалом в несколько десятилетий от меркантилистского правительственного почина. Без петровских реформ не было бы подъема горнозаводских и обрабатывающих отраслей, ставшего технической основой русского великодержавия при Екатерине II — отвечал Кулишер на вопрос известной полемичной статьи Е. В. Тарле «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?» (1910).

Указывая на то, что экстенсивная мощь русской империи в конце XVIII столетия не могла не иметь экономического фундамента, Е. В. Тарле считал «стереотипную фразу о натуральном хозяйстве и экономической зависимости и отсталости России» перенесением на XVIII в. ситуации XIX в., когда Россия в самом деле не поспела за ускорившимся темпом экономического развития сначала в Англии, потом отчасти во Франции и т. д. [35, с. 27]. Современник Е. В. Тарле и И. М. Кулишера экономист-аграрник Н. П. Огановский также считал помехой правильному взгляду на историческое развитие форм хозяйства перенесение на них опыта XIX в. Но Огановский ставил вопрос более широко, критикуя историко-хозяйственную систематику К. Бюхера за односторонний подход, «замазывающий» своеобразие хозяйственной жизни прошлых эпох и аграрных стран «яркой краской индустрии, залившей экономическую жизнь Запада в XIX веке» [23, с. 540]. В полемике с исторической школой и с марксизмом, а также с позитивистским эволюционизмом, Огановский разработал оригинальную теорию аграрной эволюции, ставшую наиболее масштабным вкладом российской общественной мысли в экономическую компаративистику.

Н.П. Огановский: сравнение стадий аграрной эволюции стран Запада и России

Николай Петрович Огановский (1874–1938) — земский статистик, кооператор, политический деятель, один из зачинателей российской экономической географии и экономической истории, был выдающимся представителем *обновленного народничества*. Это направление (как и «старое» народничество) стремилось обосновать некапиталистический путь развития, но не впадало в «капиталистический пессимизм» Воронцова — Даниельсона, выясняя возможные условия — структурные и институциональные — такого роста

«рыночности» и индустрии, который в наибольшей степени благоприятствовал бы крестьянскому семейно-трудовому хозяйству.

Взгляды Огановского сформировались во время обследования им в начале XX в. крестьянской общины по земским переписям 250 уездов 30 российских губерний. Собранный материал показал ошибочность расхожих мнений как противников, так и сторонников общинного землевладения: первые абсолютизировали тормозящее влияние общины на аграрные технологии; вторые были неправы в том, что община препятствует расслоению крестьян. Сделанный вывод, что прогресс сельского хозяйства не задан формами земельной собственности, а связан с глубже лежащими особенностями уплотнения населения и развития аграрных технологий, определил направление исследований Огановского, подытоженных в главном труде «Закономерность аграрной эволюции» (3 т., 1909–1914).

Уточнение, что его поиск «руководящего начала» в истории аграрных отношений ограничен странами умеренного климатического пояса, дает основание отнести Огановского к крупнейшим представителям российской геополитической экономики [10]. Сам он выступал от имени *сельскохозяйственной* экономики, критикуя школы *политической* экономики — классическую, историческую и марксистскую. Однако сформировавшаяся в XIX в. в Германии и России школа СХЭ была ориентирована на крупное частно-предпринимательское земледелие «прусского» типа. Лишь в начале XX в. наметился поворот российской СХЭ к теории мелкого — но кооперативно объединенного — крестьянского хозяйства. Сказались воздействие земского народничества и примеры успехов, достигнутых крестьянским хозяйством в странах континентальной Европы (Италии, Франции, Германии и особенно Дании) благодаря различным

формам кооперации и вопреки мировому аграрному кризису 1874–1895 гг.

Н. П. Огановский вслед за идейным лидером земского и университетского народничества А. И. Чупровым стремился выяснить различия социальных последствий эволюции сельского хозяйства и промышленности, обусловленные технико-организационными особенностями. Он считал марксистскую схему обобществления труда целиком верной в технико-производственном (*концентрация* разнородных механизированных приемов на мануфактурах и фабриках), но лишь отчасти — в классовом отношении. Процесс концентрации капитала не был результатом дифференциации класса ремесленников: классы капиталистов и пролетариев образовались не внутри этого небольшого по численности класса, «а *над* ним и *под* ним» [22, с. 150]. Дальнейшее накопление капитала в индустрии представляет собой «*одностороннюю* *подвижку вверх*»: увеличение социального расстояния между господствующим и рабочим классом при медленном и неровном повышении благосостояния последнего (относительное, но не абсолютное ухудшение положения пролетариата).

Для сельскохозяйственных же предприятий Огановский считал закономерной тенденцию к средним размерам и к интеграции (а не дифференциации) трудовых операций, но эта тенденция осложнена историческим наследием и земельной колонизацией. Критикуя однофакторную «меновую концепцию» экономического прогресса, выдвинутую германской исторической школой, Огановский построил свою многофакторную теорию экономического прогресса. Ее ключевыми положениями стали: критерий *равновесия* между количеством населения и количеством жизненных средств, доставляемых сельским хозяйством; несовпадение эволюции технико-производственных форм с эволюцией *распределения* средств про-

изводства, на которую влияют политические и психологические факторы.

Суммируя накопленный сельскохозяйственной экономией XIX в. опыт классификации *систем земледелия* по ступеням *интенсивности*, Огановский определил *три* главных *фазы* эволюции сельскохозяйственного производства: доземледельческую, *экстенсивного* земледелия и *интенсивного* земледелия, интегрированного с животноводством.

Доземледельческая фаза — потребление даровых благ природы в лесных (охота, бортничество, речное рыболовство) и степных (тебеновочное кочевое скотоводство) районах. Фаза экстенсивного земледелия проходит два основных периода: 1) *подвижной подсечно-переложной системы* и 2) *оседлого трехполья* с чередованием участков под озимые и яровые злаки и пар. Именно *паровое трехполье* с *консервативным восстановлением плодородия* почвы составило многовековой базис феодального строя Европы с крепостным правом. При незначительности пара как естественного регулятора плодородия земля истощалась и вынуждала к расширению площади пашни за счет пастбищных угодий для скота — к *нарушению равновесия между земледелием и скотоводством*. Равновесие между почти не растущим количеством продовольственных средств, доставляемых трехпольем, и количеством населения поддерживалось в силу высокой смертности из-за войн, усабищ, эпидемий и ограничений на численность крестьянских семей, налагаемых крепостной зависимостью.

Раскрепощение, по мнению Огановского, вызвало резкий прирост народонаселения, который выбил трехполье из многовековой колеи. Пока не был найден путь к интенсификации сельского хозяйства, голодовки провоцировали аграрные возмущения и революции (в середине XVII в. — Англия; в конце XVIII в. — Франция; в середине XIX в. — Германия; в

начале XX в. — Россия). Интенсификация заключается в исчезновении пара и изменении структуры посевов: к преобладавшим почти исключительно в экстенсивных системах злакам прибавляются кормовые травы, корнеклубнеплоды, бобовые, масличные. Плодородие почвы восстанавливается преимущественно искусственным путем — усиленным удобрением. При отсутствии паров и выгонов кормовые травы вместе с отбросами корнеплодов обеспечивают скоту пищу на круглый год; скот запирается в стойла и начинается эра его качественного улучшения — мясисти, молочности и т. д. Таким образом, при интенсивном — *многопольно-травяном и плодосменном* — земледелии восстанавливается и обеспеченное обилием кормов скотоводство, в свою очередь содействующее росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Выводы: 1) одна фаза аграрной эволюции вращает в другую и вытесняет ее постепенно; 2) мальтузианский «закон убывающего плодородия» сказывается только тогда, когда не произошла назревшая замена наличной системы полеводства, достигшей своих пределов; 3) эволюция сельского хозяйства (в отличие от промышленности) сопровождается не упрощением, а *усложнением* приемов (севообороты, обработка, уход за растениями и животными, внесение удобрений).

На эволюцию *систем полеводства* накладываются особенности эволюции *распределения* земли, обусловленные политическими и психологическими факторами. Становление феодальных отношений с крупным поместным хозяйством, притянутым к монастырским стенам и феодальным замкам, происходило одновременно с переходом населения от подвижной переложной системы к оседлому трехполью; потребность монархов в подвижном классе профессиональных воинов диктовала привлечение на службу

раздачей земель; образовалась лестница власти над землею и над сидящим на ней трудовым населением, которому вменялось в обязанность «кормление» военно-служилого класса, становившегося и классом крупных землевладельцев.

Сельская община первоначально, по мнению Огановского, складывалась на земельном просторе, но когда возможности экспансии перелога были исчерпаны, а политический фактор обусловил *одностороннюю подвижку вверх* — концентрацию земли в высших слоях, «утесненная» община выработала уравнилельно-передельный механизм, и крестьянское землепользование застыло на много веков в подворно-чересполосной форме. Общинные леса и выгоны постепенно сокращались в силу, с одной стороны, расширения пашни под трехполье, с другой стороны — захватного землевладения феодалов. С развитием городов и оживлением торговли, особенно международной, феодальные землевладельцы из «пожирателей ренты», часто не очень значительной, стали отчасти превращаться в предпринимателей; этому способствовала реорганизация военного дела с заменой ставших ненужными рыцарей ландскнехтами (наемниками). Исчезновение политического феодализма и формирование абсолютизма с превращением дворянства в придворную знать сопровождалось развитием нового коммерциализированного типа крупнопоместного хозяйства — в форме английского лендлордизма со сгоном крестьян земли ради разведения овец для экспорта шерсти или восточноевропейского магнатства с отягощением крестьян барщиной ради наращивания экспорта зерна.

Особенности эволюции земледелия после начала европейской индустриализации мы считаем уместным свести в таблицу, где слева воспроизведены выводы Огановского, а справа — некоторые дополнения к ним из истории экономических учений.

Дворяне кое-что сделали для перехода к интенсивным системам земледелия, особенно в Англии	Тот самый «норфолкский» образец севооборота для всей Европы, который описывал в своем «Курсе» А. К. Шторх
Но в целом крупнпоместное хозяйство, обогащая своих владельцев, усугубляло трудности населения, связанные с истощением экстенсивного земледелия. Еще в начале XIX в. под паром оставалось около трети пашни во Франции и в Германии; значительные площади были отведены под охотничьи парки и т. п.	В Германии, где сложился свой вариант многопольно-плодосменного земледелия, его внедрение, как и в Англии, стало поводом для экспроприации земли у крестьян. Крупное частновладельческое («юнкерское») хозяйство «прусского типа» дало начало сельскохозяйственной экономии (А. Тэер, Й. Г. Тюнен)
Прекращение давления политических факторов в пользу крупного нетрудового хозяйства и переход борьбы между неравномерными формами землевладения в чисто экономическую плоскость упрочили тенденцию «стягивания к середине»	С.Н. Булгаков эмоционально приветствовал продажу прусских юнкерских владений «взраздობь» вследствие того, что они не могли удерживать рабочей силы после экспансии дешевого заокеанского хлеба и стали проигрывать крестьянскому хозяйству
В течение XIX столетия урожайность в Европе повысилась в среднем в 2–2,5 раза (после почти 1000-летнего колебания вокруг одного и того же уровня); исчезли резкие подъемы и падения урожая, зависимость от капризов климата и страх голодовок	Рост урожайности стал следствием внедрения травосеяния, плодосмена, минеральных туков [38, с. 80]. По урожайности пшеницы с единицы площади Россия в нач. XX в. уступала странам Европы минимум в 2,5 раза (Дании – в 4) [26, с. 6]
Демократизация парламентарного законодательства в Западной Европе – разрешение с.-х. союзов; завоевание крестьянством при помощи кооперации денежного капитала и кредита, доступного ранее только крупным владельцам, благоприятствуют реализации преимуществ среднеразмерных крестьянских хозяйств	Законы о синдикатах во Франции (1884) и о товариществах в Германии (1889) содействовали росту в этих странах с.-х. кооперации, развивавшейся также в Англии, Италии и особенно Дании, которую в России рассматривали как страну «мелких фермеров», «крестьянских товариществ» и образец для подражания

Если во всей Европе к началу XX в. утвердилось интенсивное многопольно-плодосменное земледелие, то в России продолжало господствовать «выбалтывающее землю» трехполье¹. В объяснение этого Огановский на первый план выдвинул два фактора: давление внешнего рынка (доминирование зерновых в экспорте) и обширная внутренняя колонизация, делавшая возможной «попятную» эволюцию к преобладанию экстенсивного земледелия.

Выделяя, вслед за В. О. Ключевским, пять периодов русской истории как истории *колонизации*, Огановский конкретизировал эти периоды по типам полеводства и распределения земель [22, с. 24–25]. В киевский период (1) экстенсивное переложное земледелие постепенно вращалось в преимущественно лесопромышленное хозяйство, служившее основным источником первоначального накопления *движимых* капиталов в руках господствующих классов; в верхневолжский период (2) богатство стало определяться преимущественно *земельным захватом*; в московский период (3) произошло окончательное обособление замкнутых сословий крестьян и нетрудовых землевладельцев, трехполье вытесняло перелог и экстенсивное земледелие распространялось на захваченные территории Поволжья и Прикамья; в имперско-дворянский период (4) крупное товарное помещичье хозяйство использовало возможности нового крымско-новороссийского колонизационного пояса; в предреволюционный период (5) трехполье окончательно исчерпало себя в великороссийском центре («перепыханность» угодий, «оскудение»), но колонизация продвинулась в новый пояс — на Северный Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию.

«Самобытность» русской истории в сфере сельскохозяйственного производства и распределения выра-

¹ За исключением западных — остзейских и привислинских — губерний [14].

зилась в том, что *простор* колонизируемых земель растянул на дополнительные периоды три фазы аграрной эволюции. Колонизационный размах, разреживая население и создавая вовлечением новых и часто более производительных почв широкие возможности для экстенсивных форм вплоть до возвращения к залежи, консервировал трехполье.

В том же направлении действовал и фактор внешнего рынка — наращивание экспорта зерновых. Торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. В районах Черноморско-Каспийского кольца — Новороссии, Нижнем Поволжье и Северном Кавказе — посевные площади в конце XIX в. — начале XX в. быстро росли и давали с каждой десятины в 2–3 раза больше валового сбора, чем в остальной России. Но эти результаты достигались за счет ускоренного развития хищнического зернового хозяйства, основанного почти исключительно на выращивании двух злаков — пшеницы и ячменя — с ориентацией на мощное расширение внешнего сбыта. Небывалый нигде в Европе засев более 90 % площадей одними зерновыми культурами все более усугублял неравновесие между земледелием и животноводством, — отбирая у скотоводства не только ячмень, но и ценные концентрированные корма (жмыхи). Одновременно далеко зашло несоответствие между отсталой системой земледелия и быстрым ростом населения за полвека после отмены крепостного права [24, с. 13].

Исправление сложившейся ситуации Огановский связывал с демократизацией политической жизни России; сельскохозяйственной помощью населению для превращения в систему тех «обрывков» интенсивного земледелия, к которым подталкивает крестьян уплотнение населения; «оборудованием транспортного дела» правительством и изменением внешнеторговой

политики для структуры экспорта в пользу интенсивных культур и продуктов животноводства.

В определении насущных задач аграрно-экономической мысли – составление «*организационного плана крестьянского хозяйства*» и организация сбыто-снабженческой кооперации для борьбы с паразитарным посредничеством хищнического торгового капитала – Огановский был един с экономистами-кооператорами организационно-производственной школы, вместе с ними работал в Лиге аграрных реформ, вместе с А. В. Чаяновым редактировал «Статистический справочник по аграрному вопросу» (1917). Обоснованную позднее Чаяновым концепцию некапиталистической вертикальной концентрации сельского хозяйства («кооперативной коллективизации») можно рассматривать как конкретизацию вывода Огановского о том, что в собственно сельском хозяйстве средние предприятия обладают преимуществами в интенсивности и выгоды; но техническая *переработка* сельскохозяйственной продукции и *элементы обмена* (кредит, сбыт, покупка) подчинены закономерностям концентрации. Но, как и Чаянов, Огановский рассчитывал, что концентрации в сельском хозяйстве и смежных с ним отраслях можно придать не крупнокапиталистическую, а кооперативную форму.

Политическая деятельность Огановского как энеца и эсера, члена Предпарламента и Учредительного собрания привела к остроконфликтным отношениям с Советской властью, за которыми последовало примирение и десятилетие (вплоть до пресловутого процесса ТКП) деятельности Огановского как «спеца»-профессора, читавшего первый в Московском университете курс экономической географии. В послереволюционных работах – наиболее отчетливо в книге «Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке» (1924) – Огановский дополнил свою концепцию экономического прогресса включением в нее категории *устойчивого*

развития производительных сил. Ее можно считать предвосхищением концепции перехода к самоподдерживающемуся (*sustainable*) экономическому росту, выдвинутой в рамках теорий модернизации во второй половине XX в. [21, с. 41–46].

Огановский показал, что интенсификация земледелия на основе многопольно-плодосменных севооборотов, начавшаяся в Нидерландах и Англии и охватившая к концу XIX в. всю Западную Европу, не только восстановила утраченное при трехполье равновесие (соразмерность) между земледелием и животноводством, но стала необходимой *агротехнологической предпосылкой* индустриализации и перехода к поступательному расширенному воспроизводству. Многополье обеспечило продукты для откорма скота (кормовые травы, бобовые, турнепс, свекловичный жом) и для продажи в качестве промышленного сырья (свекла и картофель). Скот благодаря увеличению количества кормов стал объектом селекции (50-пудовые свиньи, высокоудойные коровы и проч.) и источником товарной мясомолочной продукции для растущего промышленного населения городов. Город с его индустриальными предприятиями принимал избыточное сельское население и, предьявляя растущий спрос на продукцию плодосменного земледелия, давал необходимые для интенсификации усовершенствованные сельскохозяйственные машины, искусственные удобрения, развития транспортно-складскую сеть, кредит и т. д. Чередование посевных культур прекратило «выбалтывание» земли, а применение минеральных туков – повысило ее плодородие; в свою очередь, обеспеченное обилием кормов скотоводство содействовало росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Но описанный механизм *прямых и обратных рыночных связей* как *внутри* сельского хозяйства, так и

между его главными секторами и городской промышленности не мог сложиться в России, где удерживалось господство трехполья. Зачинатели российских экономико-географических и экономико-геополитических концепций В. П. Семенов-Тянь-Шанский [31, гл. XVIII] и П. Н. Савицкий отмечали невозникновение интенсивного земледелия в России и «неизбыточное трехполье» [30, с. 336] на ее территории как важнейшее цивилизационное отличие от Западной Европы.

Формационный подход марксизма полностью проигнорировал выясненное Огановским всемирно-историческое значение агротехнологических изменений в Западной Европе, обеспечивших процесс связанного роста интенсивного сельского хозяйства, «рыночности» и индустрии — и отрыв западной индустриальной цивилизации от остального мира. Эти изменения были отмечены представителями исторической школы за пределами Германии (англичанин Т. Роджерс, француз П. Манту, И. Кулишер), но их подход был чисто фактографическим. Опираясь на работы историков-экономистов, А. Маршалл в приложении к своим «Principles of Economics» возводил истоки экономического лидерства Англии не только к завоеванию первенства в океанической торговле, но и к «сельскохозяйственной революции»: повсеместное использование турнепса и клевера (т. е. многопольно-плодосменных севооборотов) и систематическое улучшение пород мясомолочного скота благодаря «гению» селекционера Р. Бэйкуелла [18, с. 696].

На наш взгляд, концепция Огановского в методологическом отношении является вершиной исторического направления в политэкономии. Она нашла подтверждение в двух крупных достижениях конца XX в. — разработке С. В. Онищуком концепции «преодоления компенсационного барьера для увеличения доли несельскохозяйственного насе-

ления» [27] и обоснования Л. В. Миловым природы крепостного права и общины на Великой русской равнине как «компенсационных механизмов выживания» [19]. Онищук, не зная о своем предшественнике, углубил во всемирно-историческом контексте предложенную Огановским аграрную типологию по критерию степени *интеграции* (дезинтеграции) *земледелия с животноводством*. Милов, поставивший в центр своего исследования *судьбы паровой системы земледелия* и сделавший вывод, что жители Великой русской равнины были резко ограничены в возможностях интенсификации агропроизводства, уделил внимание и наступлению пашни на пастбище (включая ковыльные степи) как причине недоразвития продуктивного скотоводства в России.

Хотя Огановский преувеличивал преимущества «среднеразмерных» хозяйств и значимость оборотного капитала в сельском хозяйстве, правильность указанного им критерия агротехнологического прогресса — переход от экстенсивных систем к интенсивным формам, *интегрирующим* обработку земли и животноводство, — подтвердила «вторая аграрная эволюция» XX в. [7, с. 71–72].

Наконец, концепция Огановского представляет большой интерес в свете перспектив развития — особенно применительно к России — мир-системного анализа, наиболее мощного современного направления сравнительных историко-экономических исследований. Теоретики МСА уделяют главное внимание проблемам торговой, промышленной и финансовой гегемонии. Вместе с тем они отмечают, что одним из главных преимуществ стран европейского северо-западного «ядра» в возникшей капиталистической мир-системе было достижение *разнообразия сельскохозяйственной специализации* [5, с. 37]. А «сползание в периферию» Российской империи, вошедшей в мир-систему «при шпаге» полупериферийной

великой державой [6, с. 38], проявлялось в наращивании *одностороннего зернового* экспорта [12, с. 301]. Но, как следует из работ Огановского, разнообразие западноевропейского «ядра» и однобокость российской сползающей «полупериферии» в сельском хозяйстве были результатом интенсификации земледелия и интеграции с животноводством в первом случае и неравновесия экстенсивной «несчастной трехполки» с «горемычным» животноводством во втором случае.

Остается добавить, что значение перехода к интенсивному интегрированному агропроизводству для установления самоподдерживающегося экономического роста проигнорировано во всех отечественных учебниках экономической истории, а в единственном переводном вскользь упомянуто в одном абзаце [13, с. 209]. Поэтому представляется целесообразным научное переиздание фундаментального труда «Закономерность аграрной эволюции» Н. П. Огановского и других его работ.

Список использованной литературы

1. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. — М. : Мысль, 1987. — 350 с.
2. Бланки А. Д. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени с приложением критической библиографии политической экономии : в 2 т. / А. Д. Бланки ; пер. П. А. Бибикова. — СПб. : Тип. И. И. Глазунова, 1869. — Т. 2. — 432 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; ступит ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. — М. : Прогресс, 1992. — Т. 3 : Время мира. — 679 с.
4. Булгаков С. Н. Краткий очерк политической экономии. Вып. 1. Основные черты современного хозяйственного строя / С. Н. Булгаков. — М. : Тип. А. П. Поплавского, 1906. — 152 с. — (Религиозно-общественная библиотека).
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб. : Унив. кн., 2001. — 416 с.

6. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. — 1996. — № 5. — С. 30–42.

7. Вее Г. Ван дер. История мировой экономики, 1945–1990 / Г. Ван дер Вее ; пер. с фр. А. И. Тихонова ; под общ. ред. В. И. Бовыкина. — М. : Наука, 1994. — 413 с.

8. Гловели Г. Д. А. Корсак — первый русский экономист-компаративист / Г. Д. Гловели // Вопросы экономики. — 2011. — № 7. — С. 62–78.

9. Гловели Г. Д. Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма / Г. Д. Гловели // Вопросы экономики. — 2010. — № 9. — С. 113–134.

10. Гловели Г. Д. Теория аграрной эволюции Н.П. Огановского и геополитическая экономия исторического процесса / Г. Д. Гловели // Вопросы экономики. — 2009. — № 2. — С. 131–148.

11. Зибер Н. И. Избранные экономические произведения : в 2 т. Т. 1 : Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Статьи / Н. И. Зибер. — М. : Соцэкгиз, 1959. — 723 с.

12. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема / Б. Ю. Кагарлицкий. — М. : Ультра. Культура, 2004. — 528 с.

13. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон ; пер. с англ. — М. : РОССПЭН, 2001. — 544 с.

14. Карышев Н. Земледелие (экон.). Системы хозяйства / Н. Карышев // Энциклопедический словарь / издатели : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; [под ред. проф. И. Е. Андреевского]. — СПб. : Типо-литограф. И.А Ефрона, 1894. — Т. 12 : Жилы — Земпах. — С. 413–416.

15. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы / И. М. Кулишер. — 9-е изд. — Челябинск : Социум, 2004. — 617 с.

16. Кулишер И. М. Крупная промышленность в XVII и XVIII веках : Франция, Германия, Россия / И. М. Кулишер // Анналы экономической и социальной истории. Избранное. — М. : ИД «Территория будущего», 2007. — С. 60–96.

17. Кулишер И. М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе : в 2 т. Т. 2 : Деятнадцатый век / И. М. Кулишер. — СПб. : Типо-лит. А. Г. Розена, 1908. — 439 с.

18. Маршалл А. Основы экономической науки / А. Маршалл ; предисл. Дж. М. Кейнса ; пер. с англ. под науч. ред. П. Н. Клюкина. — М. : Эксмо, 2007. — 831 с.

19. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. / Л. В. Милов. — М. : РОС-СПЭН, 1998. — 573 с.

20. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 2 ч. Ч. 1 : Население, экономический, государственный и словесный строй / П. Н. Милуков. — СПб. : Изд-е журн. «Мир Божий», 1896. — 237 с.

21. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики / Р. М. Нуреев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2008. — 640 с.

22. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1 : Теория капиталистического развития : Общий ход и фазисы аграрной эволюции / Н. П. Огановский. — Саратов : Сотрудничество, 1909. — [2], 308 с.

23. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2 : Очерки по истории земельных отношений в России / Н. П. Огановский. — Саратов : Сотрудничество, 1911. — [2], 632 с.

24. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3 : Обновление земледельческой России и аграрная политика : Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос Н. П. Огановский. — М. : Задруга, 1914. — 335 с.

25. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование / А. П. Огурцов. — М. : Наука, 1988. — 256 с.

26. Озеров И. Х. Атлас диаграмм по экономическим вопросам : в 8 вып. Вып. 8 : Россия в мировой семье / И. Х. Озеров. — М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1909. — 56 с., 12 л. диагр.

27. Онищук С. В. Исторические типы общественного воспроизводства : политэкономия мирового исторического процесса / С. В. Онищук. — М. : Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. — 146 с.

28. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими корреспондентами // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. — М. : Политиздат, 1967. — С. 127-738.

29. Русанов Н. С. Мое знакомство с Энгельсом / Н. С. Русанов // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе : в 2 ч. Ч. 2 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 3-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1988. — С. 68-77.

30. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. — М. : Аграф, 1997. — 461 с.

31. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна / В. П. Семенов-Тянь-Шанский. — М. ; Л. : Госиздат, 1928. — 311 с.

32. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху / Н. А. Смирнов. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1910. — [4], 384 с. — (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 88, № 2).

33. Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1 / П. Б. Струве. — СПб. : Тип. И.Н.Скороходова, 1894. — 291 с.

34. Струве П. Б. На разные темы. (1893–1901 гг.) : сб. ст. / П. Б. Струве. — СПб. : Тип. А.Е. Колпинского, 1902. — [4], II, 555 с.

35. Тарле Е. В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страной / Е. В. Тарле // Современный мир. — 1910. — № 5. — С. 3–29.

36. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке / М. И. Туган-Барановский. — М. : Наука, 1997. — 735 с. — (Серия «Памятники экономической мысли»).

37. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — М. : Астрель-АСТ ; АСТ, 2007. — Т. 2 : е — муж. — 672 с.

38. Чупров А. И. Мелкое земледелие и его основные нужды : в прил. : «К вопросу о значении минеральных удобрений в русских хозяйствах, особенно крестьянских» / А. И. Чупров. — СПб. : Изд-е Г.Ф. Львович, 1907. — [4], 196 с.

39. Cameron R. A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present / R. Cameron. — N.Y. : Oxford University Press, 1997. — xxi + 454 pp.

Информация об авторе

Гловели Георгий Джемалович — доктор экономических наук, профессор, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, e-mail: glovelig@mail.ru.

Author

Gloveli, Georgii Djhemalovich — D.Sc. in Economics, Professor, Centre for Methodological and Historical-economic Studies, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,

32, Nahimovsky avenue, Moscow, 117218, e-mail: glovelig@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Гловели Г. Д. Историзм и историческое направление в российской политической экономике / Г. Д. Гловели // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 3. — С. 468–512.

Reference to article

Gloveli G. D. The historicism and the historical current in Russian political economy. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 468–512.